

в селах Мильково, Шеромы, Ганалы, Малка, Елизово. С середины XIX в. в сел. Сероглазка тоже появляется фамилия Атласовых, но это другая ветвь, имеющая корни в Якутске (8).

1. Арктика – мой дом. История освоения севера в биографиях знаменитых людей. М., 2000. С. 62.
2. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Часть вторая. Петропавловск-Камчатский, 1997. С. 68–82.
3. *Громов П.* Историко-статистическое описание камчатских церквей. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 13.
4. *Браславец К. М.* Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968. С. 22.
5. ВИМ НВФ-2503. Дневники Г. И. Щедрина. Т. 1. С. 32.
6. *Крамаренко Жорж.* Камчатка. Мое путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г. Берлин. б. г. Ил.
7. *Шмидт П. Ю.* Зоологический отдел. Экспедиция Ф. П. Рябушинского. М., 1916. Ил.
8. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. СПб., 1994. С. 253.

В. В. Бурый

БОТАНИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БЫСТРИНСКОГО ПРИРОДНОГО ПАРКА (Северный участок природного парка «Вулканы Камчатки» во второй половине XIX – 20–30-х гг. XX вв.)

Вопросы ботанического изучения Камчатки освещены в ряде публикаций, в которых можно найти сведения об исследованиях на территории Быстринского района (1, 2).

Первые сведения о ботаническом описании территории можно найти у Карла Дитмара, который приводит данные по распространению некоторых видов растений, например водяники вблизи Ичинского вулкана (3, 4).

Первые интенсивные флористические исследования территории парка проведены в 20-х гг. XX в. и связаны с именами Рене Малеза (Rene Malaise) и Прокопия Трифионовича Новограбленова.

Р. Малез – один из участников Шведской экспедиции Стена Бергмана, который впервые приехал на Камчатку – и пребывал на полуострове в течение 1920–1922 гг., выполняя в составе экспедиции роль энтомолога (5). Наиболее интересным для нас является период второго пребывания Р. Малеза на Камчатке в 1925–1926 гг. (6). Именно в этот период он неоднократно посещал территорию Быстринского района. В ходе летних и зимних поездок им и его спутниками (Карл Сьёблом (Carl Sjöblom) и Бленда Нордстрём (Blenda Nordström)) было сделано большое количество фотоснимков, на которых зафиксировано состояние интересных природных объектов Быстринского района, – таких, как, например, памятник природы Апапельская каменная баба, выходы Эссовских термальных источников. Часть снимков в настоящее время оцифрована и хранится в открытом доступе в базе данных Шведского этнографического музея (<http://collections.smvk.se/carlotta-em/web/object/2113914/CHILDREN/9>). Р. Малезом были сделаны первые гербарные сборы на территории парка, впоследствии обработанные другим участником Шведской экспедиции Эриком Хультемом, который в этих местах не работал, и использованы им при написании «Флоры Камчатки» (7). Гербарные сборы проводились в пределах одного района в долине р. Анавгай и участков, примыкающих к влк Анаун; им впервые сделаны сборы с горячих источников верховьев р. Анавгай. По сборам Р. Малеза Э. Хультемом приводится 121 вид растений для этого района. Гербарий хранится в Шведском музее естественной истории (г. Стокгольм), доступ в электронном виде к базе данных – <http://plants.jstor.org/search?personName=Malaise%2C+R>.

Обследованию территории, которая входит в состав парка, посвящена работа камчатского исследователя П. Т. Новограбленова «Путешествие к вулкану Анаун в Срединном хребте» (8). Он прошел маршрутом от Ключей до Тигиля, посетил места, по которым проходил Р. Малез, совершил восхождение на влк Анаун. В его работе приводятся сведения о видах растений, встреченных им во время путешествия, и сведения по гербарным сборам. Точные объемы сборов неизвестны.

П. Т. Новограбленовым впервые дано описание Оксинских и Апапельских горячих источников. В «Путешествии к вулкану Анаун...» для территории Быстринского района в современных границах приводится 89 видов растений. Сборы некоторых видов, сделанных П. Т. Новограбленовым, не подтверждаются современными находками.

В 1932 г. П. Т. Новограбленов планировал длительную экспедицию по комплексному изуче-

нию Срединного хребта, об этом говорит его письмо к Валентину Леонтьевичу Комарову, датированное 19 октября 1931 г. (9).

Целью экспедиции являлось исследование «территории и ее растительного покрова всей совершенно незатронутой ботаниками части полуострова Камчатка». Предполагалось провести «детальное ботаническое исследование долин р. Кимитиной, Ессо и Хайрюзовой и района Ичинского вулкана, изучение вертикальных зон растительности: изучение лесов (видовой состав), распространение и характер лесов, характерный возраст, высота, диаметр отвода, хозяйственное значение: установление границ оленеводческих пастбищ, гербаризация». Отдельным направлением исследований территории был Ичинский вулкан (описание, восхождение) и прилегающие к нему вулканические массивы.

Маршрут путешествия должен был проходить «из Петропавловска-Камчатского в Машуру через Усть-Камчатск пароходом и моторной лодкой; из Машуры по долине р. Кимитиной к горячим ключам, перевал в долину р. Ессо и по ней до Оксичана, откуда – к Ичинскому вулкану, путешествие вокруг этого вулкана с восхождением на его вершину; от Ичинского вулкана по долине р. Хайрюзовой до Устья – верхами; возвращение из Хайрюзовой в Петропавловск переходом или на лошадях».

О том, что экспедиция состоялась, говорит рукопись П. Т. Новограбленова под названием «Алней (материал для его изучения)», обнаруженная в 1979 г. в Институте этнографии АН СССР и опубликованная Борисом Петровичем Полевым в авторском варианте в 10-м выпуске «Краеведческих записок» (г. Петропавловск-Камчатский) за 1997 г. (10). Неизвестно, насколько полно была выполнена ботаническая часть экспедиции, но, безусловно, любые её материалы и гербарные сборы являются уникальными.

Отдельно необходимо сказать о судьбе гербария П. Т. Новограбленова. Во время всех своих экспедиционных работ он проводил гербарные сборы. Дубликаты части сборов передавались В. Л. Комарову, которые им были обработаны и приводятся во «Флоре Камчатки» (4), в настоящее время хранятся в коллекции БИ РАН (г. Санкт-Петербург). Личная коллекция П. Т. Новограбленова по флоре Камчатки до 1952 г. хранилась в фондах Камчатского краевого музея, а в 1952 г. по просьбе директора музея земледелия МГУ Н. Е. Ермакова была передана в Москву (11), где и хранится в настоящее время (12). Кроме того, в предисловии к публикации «Алней» Б. П. Полевым приводятся сведения о небольшом гербарии П. Т. Новограбленова (10), который был обнаружен вместе с рукописью. В дальнейшем предстоит найти местонахождение этого гербария и обработать его.

Важный вклад в изучение Быстринского парка внесла Северо-Камчатская экспедиция по устройству народов Севера, организованная в 1936–1938 гг. Далькрайисполкомом, которым была поставлена задача провести землеустройство Карагинского, Быстринского и Усть-Камчатского районов Камчатской области (13). В рамках экспедиции проводилась оценка производственного потенциала Быстринского района. Часть работы была связана с геоботаническим исследованием территории; «основная задача этого обследования сводилась к выявлению типов растительности со стороны ботанического состава, запаса кормовой массы и общей кормовой оценки их размещения типов по рельефу и процентного соотношения их друг с другом в общем растительном покрове данного р-на, в целях обоснования проекта организации территории. Основное внимание было обращено на выявление запасов кормов на типах оленьих пастбищ – зимних, летних и переходных, на их оленеемкость и качественную оценку со стороны стравленности, выбитости пригодности под выпас по условиям почвы, рельефа, закомаренности, заснеженности и т. п. Одновременно проводилось изучение огородных сорняков и действующих сенокосов и зеленых пастбищ, как оленных, так и молочного скота и лошадей. В отчетах экспедиции впервые для района приводится список сорных видов сельскохозяйственных культур. Гербарных сборов в ходе экспедиции не проводилось».

Материалы экспедиции по устройству народов Севера, так же, как и материалы других исследователей, охватывают первый период исследования территории Быстринского природного парка и являются той базой, на основе которой проводилось дальнейшее изучение этой территории.

1. *Нешатаева В. Ю., Чернягина О. А.* Материалы к истории ботанических исследований на Камчатке // Камчатка: события, люди : мат. XXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 162–173.

2. *Ильина В. А.* Изучение территории Камчатки в конце 1920–1930-х гг.: цели, содержание, результаты // «Всеобщее богатство человеческих познаний» : мат. XXX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2013. С. 60–74.

3. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.: Часть первая. Исторический очерк по путевым дневникам. Петропавловск-Камчатский : Холдингвая компания «Новая книга», 2009. 566 с.

4. Комаров В. Л. Избранные сочинения. Т. 7. Флора полуострова Камчатки. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 506 с.
5. Sten Bergman, David N. Collins Through Kamchatka by Dog-sled and Skis: A Vivid Description of Adventurous Journeys // Curzon, 1927. 284 pp.
6. Hege Vardal, Andreas Taeger The life of René Malaise: from the wild east to a sunken island. – Zootaxa 3127: 38–52 (2011)
7. Hulten E. Flora of Kamchatka and the adjacent islands // Kungl. Svenska Vetenskapsakadem. Handl. Ser. 3. Bd. 5. № 1. 1927. 346 p.; № 2. 1928. 218 p.; Bd. 8. № 1. 1929. 213 p.; № 2. 1930. 358 p.
8. Новограбленов П. Т. Путешествие к вулкану Анаун в Срединном хребте в 1929 году // Тихоокеанский комитет АН СССР. Труды. Т. 3. 1932.
9. ГАКК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Планы работ, протоколы общего собрания кружка об изучении Камчатки, переписка с русскими и иностранными музеями по вопросам краеведения (29 июля 1926 года – 19 октября 1931 года).
10. Новограбленов П. Т. Алней (материал для его изучения) // Краеведческие записки. Вып. 10. Петропавловск-Камчатский : Камчат. печатн. двор, 1997. С. 241–253.
11. Харитановский А. А. Выдающийся натуралист Камчатки // Вопросы географии Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский, 1963. С. 9–15.
12. Павлов В. Н., Губанов И. А., Барсукова А. В., Багдасарова Т. В. Гербарий Московского университета. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 149 с.
13. ГАКК. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1–5. Северо-камчатская экспедиция НКЗ РСФСР и ДВКрайзу по устройству народов Севера.

В. Е. Быкасов **МОРСКАЯ КОРОВА ИЛИ КУРЬЁЗЫ НАУКИ**

Начало изучению морской коровы (*Hydrodamalis gigas*) положили наблюдения Г. В. Стеллера, высадившегося 6 ноября 1741 г. в составе первого отряда моряков из экипажа пакетбота «Св. Пётр» на необитаемом доколе о. Беринга. И хотя немногочисленная популяция «капустницы» была полностью уничтожена спустя всего лишь 27 с половиной лет после первого о ней упоминания (последняя морская корова была убита в 1768 г. – (1)), учёные и краеведы и до сих пор постоянно обращаются к этой теме. Что, впрочем, и понятно, так как это был, пожалуй, самый первый научно установленный факт уничтожения человеком такого крупного животного, каковым была корова Стеллера.

Вот как об этом пишет известный русский учёный XIX в. академик А. Ф. Миддендорф: «Академики наши Бэр и Брандт оказали науке неоценимую услугу тем, что устранили всякое сомнение относительно первого весьма важного примера совершенного истребления человеком одного вида сибирских животных, так называемой Стеллеровой морской коровы...» (7, с. 56).

Впрочем, целью данного исследования является не анализ всех тех данных и обобщений, которые на протяжении вот уже 273 лет приводятся в довольно многочисленной литературе (1, 2, 3, 7, 10, 13). И даже не описание облика и образа жизни самой морской коровы. А всего лишь привлечение внимания к тому факту, относящемуся к анатомии «капустницы», который и до сих пор ускользает из поля зрения исследователей.

Впрочем, прежде чем перейти к делу, замечу, вслед за А. Ф. Миддендорфом, что судьбе угодно было сделать так, чтобы именно такому точному наблюдателю, как Стеллер, наука оказалась обязана отчётливым указанием отличительных признаков морской коровы, измерением частей её тела, описанием её характера и образа жизни. Причём последующие находки более или менее полных скелетов этого животного под морскими россыпями, заросшими травой, всего лишь дали возможность тому же Брандту до последних мелочей исправить и дополнить показания Стеллера (7, с. 57).

То есть, говоря иначе, сомневаться в точности описания Г. Стеллером анатомии морской коровы не приходится. Однако мнение об исправлении «до последних мелочей» его показаний не совсем верно. И вот почему.

Дело в том, что, по оценке Г. Стеллера, длина туловища морской коровы достигала 4–5 фатомов (8–10 м, так как один фатом равняется 1,83 м). При этом во всех известных изданиях и переизданиях «Дневника плавания с Берингом» Г. В. Стеллера, созданных на основе белой копии (списка) с его черновой рукописи, указывается, что длина полового органа самца морской коровы составляет одну сажень (фатом).